

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 104, Is. 3, pp. 140-147, 2016

DOI: 10.13187/er.2016.104.140
www.erjournal.ru

Historical sciences and archaeology

Исторические науки и археология

UDC 94(574).02./08

The Question of Migration of Kazakh Peasantry in the late of 1920s and early 1930s (on the Materials of Central Kazakhstan)

Bakhytgul K. Alzhapparova

Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Republic of Kazakhstan
PhD, Associate Professor

Abstract

The article attempts to examine the consequences of the policy of collectivization and settling policy, expressed in fleeing of Kazakh population in the late 1920s and early 1930s. In the article, with a wide range of sources, including archival documents, considered measures of the Soviet government, aimed at combating migration of Kazakh population, ineffectual nature of these measures. The author concludes that the attempt to organize the economy of otkochevniks failed due to formal and bureaucratic approach to the issue and the lack of financial resources.

Keywords: settling policy, collectivization, pauperization, migration, nomadism, region, regional history.

Введение

Истоки нынешней нелегкой ситуации в аграрном секторе экономики, в частности, в животноводческом хозяйстве, находятся в историческом прошлом. В этой связи весьма актуальным является изучение опыта политики оседания и коллективизации 20-30-х гг. 20 в. На этом историческом этапе хозяйство казахов подверглось процессу ускоренной трансформации в ущерб естественноисторическому и эволюционному развитию, что вызвало широкий спектр негативных последствий. Особенно тяжелые последствия эта политика имела в тех регионах, к числу которых относится и Центральный Казахстан, где в силу географических факторов наиболее оптимальным, рациональным и распространенным способом ведения хозяйства являлось полукочевое скотоводство.

Результатом реализации политики оседания и коллективизации, проводившейся сталинским режимом, было разрушение традиционной структуры казахов, отличительным признаком которой являлась система коллективной безопасности на случай голода. Были ликвидированы существовавшие до этого в казахском ауле институты родовой помощи, такие как «байгазы», «аза», «жұртшылық», «ат-майын-беру», «сыбаға», представлявшие собой морально-этический кодекс взаимовыручки кочевников. Крушение

системы коллективной безопасности вызывало у населения различные формы протеста, одной из которых являлись откочевки.

Откочёвки этого периода следует разграничивать от кочевания, являвшегося неотъемлемым атрибутом традиционного хозяйства казахов. Если кочевание в рамках кочевого и полукочевого скотоводства было продиктовано мотивами экологической и экономической целесообразности, то откочёвки конца 1920-х - начала 1930-х гг. имели другой характер. Как писал Турар Рыскулов в своём знаменитом письме к Сталину: «... это было бегство голодных, отчаявшихся людей в поисках пропитания» [1, с. 168].

Актуальность изучения данной проблематики продиктована и современными мировыми реалиями. Как свидетельствует исторический опыт многих стран, попытки насильственной модернизации (особенно в сфере экономики) приводят часто к непредсказуемым результатам. Стремление привнести извне чуждую им модель развития, не учитывая социально-экономической специфики страны, вызывают непредвиденные результаты. Примером тому являются социально-экономические процессы, развернувшиеся в развивающихся странах, являвшихся, по сути, традиционными обществами, в 50-70-е гг. XX века. Издержки реальной модернизации проявили себя в обнищании и деклассировании крестьянства, в разрушении ещё не изживших себя форм хозяйствования [2, с. 53]. Как писал Роберт Макнамара, несмотря на десятилетие беспрецедентного роста валового национального продукта в развивающихся странах, беднейшие слои их населения выиграли относительно немного. Около 800 млн человек живут на 30 центов в день в условиях недоедания, неграмотности и антисанитарии; огромное количество бедных сосредоточено в сельских районах [3, с. 385].

Политика оседания и коллективизации, проводившаяся в Казахстане в конце 1920-х - начале 1930-х гг., в советский период привлекала внимание немалого количества ученых. В частности, в работах А.Б. Турсунбаева, Б.А. Тулепбаева, Г.Ф. Дахшлейгера рассматривается история аграрных преобразований в Казахстане. Несмотря на то, что эти работы не были свободны от идеологических установок своего времени, они не потеряли своей актуальности и на сегодняшний день как изыскания, имеющие обширную источниковую базу [4].

В конце 1980-х – начале 1990-х годов, в связи изменением политической ситуации в стране, интенсифицируется исследовательский порыв многих историков, усиливается интерес к изучению “белых пятен”, вследствие этого происходит концептуальное переосмысление многих проблем первой трети XX века. В частности, усиливается интерес казахстанских историков к изучению традиционной структуры Казахстана. В этой связи вызывают научный интерес труды известного отечественного учёного Ж.Б. Абылхожина [5]. Ж.Б. Абылхожин, в отличие от казахстанских исследователей предыдущего периода, придерживается мнения, что одним из факторов, форсировавших политику оседания, стала зерновая проблема, актуализация которой была вызвана процессами ускоренной промышленной модернизации. Ведь для закупки технического оборудования требовалась валюта, которую в тех условиях можно было получить, главным образом, в обмен на хлеб. Поэтому приобщение жителей степи к Цивилизации, по мнению Ж.Б. Абылхожина, являлось лишь сопутствующим элементом.

Ж.Б. Абылхожин также отмечает, что целью этих преобразований в экономической сфере являлось создание вместо прежних «традиционно-личностных структур с горизонтальными связями структуры с вертикальными связями, которое позволило бы Системе подчинить казахские аулы тоталитарному контролю» [6].

Социально-экономические преобразования конца 1920-х-начала 1930-х гг. с новых концептуальных позиций анализируются в работах Т. Омарбекова [7]. В этих исследованиях подробно рассматривается история заготовительных кампаний и их влияние на разрушение традиционного скотоводческого хозяйства в Казахстане, освещаются процессы оседания и их последствия. Следует подчеркнуть, что автор в своих трудах вводит в научный оборот ещё не апробированный обширный архивный материал, что позволяет ему пролить свет на истинную природу откочёвок, показать бедственное положение казахов – откочевников и выявить причины и характер вооружённых выступлений крестьян.

В работе французского исследователя Изабель Огайон предпринимается попытка изучить политику седентаризации параллельно с политикой коллективизации. Коллективизация, пишет Огайон, была неотделима от седентаризации. Причем теория

Ф.И. Голощекина по оседанию кочевников, по мнению Огайон, опиралась на такой аргумент, как классовая борьба, где институт родовых отношений рассматривался как «орудие угнетения наиболее бедных слоев баями», что, в принципе, противоречило самой природе данной системы, нацеленной на коллективное выживание. Таким образом, по И. Огайон, стратегия «Малого Октября», прикрывавшаяся целями реализации советской национальной политики, была нацелена на разрушение кочевого скотоводства, а с политической – на ликвидацию родовой структуры. Последняя акция осуществлялась в двух направлениях: глобальной чистке националов в директивном аппарате и социальной чистке от старорежимных элементов [8].

Таким образом, для работ западных исследователей характерна концептуальная посылка, согласно которой основной причиной трагических событий 1930-х гг. являлась политика сталинского режима, направленная на форсированное оседание и коллективизацию.

Итак, данный хронологический период знаменателен замечательными достижениями отечественных ученых в изучении данной проблематики. Вместе с тем, историографический обзор выявляет недостаточную степень разработанности этой проблемы в региональном разрезе (Центральный Казахстан). В частности, недостаточно изучены процессы разрушения традиционного хозяйства казахов в регионе в 20-30-е годы XX века, история «устройства» откочевников региона в начале 1930-х гг.

Материалы и методы

Источниковую базу исследования составил разнообразный круг источников. Значительная часть источников была выявлена в результате изучения архивных фондов Центрального Государственного архива Республики Казахстан, Архива Президента Республики Казахстан. В ЦГА РК были изучены Ф. № 44 (Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции), Ф. № 1179 (Комитет по оседанию и хозяйственному устройству откочевников при Совете Народных комиссаров Казахской АССР), Ф. 82 (Народный комиссариат здравоохранения Казахской АССР).

Обозначим некоторые источники, извлечённые из этих фондов. Это докладные и пояснительные записки о ходе коллективизации, протоколы заседаний президиумов райисполкомов о ходе хозяйственно-политических кампаний, информационные сводки, материалы о ходе работ по оседанию, переписка между краевыми и местными организациями. Очень ценные материалы извлечены из Ф. № 44, содержащего жалобы и письма крестьян, результаты расследования деятельности местных и политических организаций.

В АПРК нами были изучены Ф. № 141 (Казахский краевой комитет ВКП (б) и Ф. № 719. (Казахская краевая контрольная комиссия ВКП (б)- Народный комиссариат Рабоче-крестьянской инспекции).

Методологическая база

Общеизвестно, что методология – это принципы, логические формы, структура и техника исследований, способствующие познанию сущности предмета и интерпретации фактических данных. В более широком смысле – это «теоретическое выражение практики конкретного точного исследования и средство поиска на частные исторические вопросы» [9, с. 123].

Методологической и теоретической основой исследования выступили общенаучные принципы, прежде всего, принцип историзма. В качестве концептуальной основы в статье использованы положения отечественных и зарубежных учёных – Ж.Б. Абылхожина, И. Огайон и др.

Были использованы и общие методы научного познания: анализ, синтез, статистический анализ.

Обсуждение

Откочевки и голод приняли настолько широкий и угрожающий характер, что руководство Казахстана вынуждено было заняться вопросами предотвращения откочевки и обустройства откочевников 17 сентября 1932 года Центральный комитет ВКП (б) принял

постановление «О сельском хозяйстве и о животноводстве Казахстана». Аналогичное постановление было принято Советом народных комиссаров СССР 5 октября того же года. Согласно этим постановлениям, для кочевых и полукочевых районов Казахстана было предусмотрено отпустить 2 млн. пудов хлеба – в порядке продовольственной помощи и для семян в посевной кампании. План заготовки хлеба для Казахстана был уменьшен на 3 млн. пудов. Возмещение долгов в объеме 5 млн. пудов хлеба было отложено (перенесено) на следующий год, долги по налогам за предыдущие годы были полностью списаны [10, с. 538].

В процессе реализации этого постановления в Карагандинской области с октября 1932 года по 20 июня 1933 года было получено 45 тыс. 525 центнеров зерна, из которых 18,6 тыс. центнеров было предоставлено в апреле – июне 1933 [2, л. 26]. Согласно директивным указаниям Казахского Краевого комитета ВКП(б) и Казахского Совета народных комиссаров, норма работающих в поле составляла 16 кг в месяц, а их иждивенцев – 8 кг. [11, л. 27]. Однако эти меры не имели должного эффекта, так как большая часть хлеба, предназначенного голодающим, использовалась не по назначению, т.е. расхищалась разными учреждениями. Так, в Нуринском районе из продовольственной помощи в размере 491 тыс. центнеров проса (март – сентябрь 1932 г.) 169 тыс. 75 центнеров было использовано не по назначению, т.е. роздано европейским колхозам, районным партийным и советским работникам [12, л. 225]. В Кургальджинском районе из 3 тыс. пудов продовольственной помощи только 300 пудов хлеба дошло до места назначения [12, л. 138].

Имели место и различные финансовые злоупотребления. Например, в июле 1933 г. представителем Карагандинского областного исполнительного комитета Юсуповым были предоставлены из фонда Казторга товары на сумму 44 тыс. рублей, предназначавшиеся для откочевников. Груз был отправлен по районам, а необходимые документы остались у Юсупова в облисполкоме. В результате товары, предназначавшиеся для откочевников, прибыли на станцию Иссыккуль, но «ввиду неостребованности» были проданы с публичных торгов на сумму 25 тыс. 757 рублей [13, л. 31].

Для устройства откочевников открывались специальные дома, но условия проживания в них оставляли желать лучшего. Весьма показателен пример дома откочевников г. Акмолинска Карагандинской области: «Подбор в дом откочевников был прост – принимали только тех, кто не мог больше ходить от истощения. В доме кошмарная грязь, антисанитария, больные вместе со здоровыми, не изолированы, посещения врача почти не бывает. Окна выбиты, отопления, освещения нет, ежедневная смертность от 6 до 9 человек» [13, л. 32].

Символом того времени стала детская беспризорность. Согласно официальным данным казахстанских государственных органов, в конце 1932 г. в Казахстане насчитывалось около 50 тыс. беспризорных детей. В Карагандинской области на 20-е июня 1933 г. в детских домах находилось 11 тыс. 415 детей. Из них: казахов – 5 тыс. 513, русских – 4 тыс. 94, татар – 955, украинцев – 573. Возрастной состав был представлен следующим образом: дети до 4-х лет – 528 человек, от 4-х до 8 лет – 2 тыс. 598, от 8 до 17 лет – 4 тыс. 637, от 12 до 16 лет – 3 тыс. 369, от 16 до 18 лет – 200 [11, л. 25].

Государство, открывая детские дома и приемники, не могло решить проблему детской беспризорности, так как только малая часть детей могла найти пристанище в детских домах, условия проживания в которых, так же как и в домах откочевников, были ужасающими. Из докладной записки о положении в Карагандинской области: «Везде можно было видеть беспризорных, ни кем не подбираемых детей... В детском приемнике 320 человек детей, дети совершенно раздетые, вместе со здоровыми находились больные, частые перебои со снабжением... Нет ботинок, белья, верхней одежды, одеял и матрацев. 50 детей больных чесоткой» [13, л. 31].

Формальный, бюрократический подход преобладал и в процессе хозяйственного обустройства откочевников – возвращенцев. Так как государство не предоставило специальные финансовые средства для реализации этой цели, то было принято решение об использовании денежных средств, выделенных для оседания кочевников. Согласно первоначальному варианту, предполагалось, в среднем, на одно хозяйство откочевника субсидировать 296 рублей. Впоследствии эта цифра была снижена до 239 рублей, так как постановлением директивных органов было решено «устроить» еще 11 тыс. хозяйств. Но, видимо, даже эта минимизированная цифра показалась слишком «огромной» для

чиновников, поэтому она была фактически снижена до 89 рублей [14, л. 24]. Логично предположить, что на 89 рублей «устроить» откочевника, лишенного как производственной, так и продовольственной базы было нереально. Вследствие этого «устройство» откочевников – возвращенцев происходило формально, на бумаге, им не оказывали ощутимой материальной помощи и психологической поддержки.

Так, промышленный сектор, согласно плану, должен был предоставить определенное количество рабочих мест для откочевников. Согласно архивным документам, за время с 1-го июня по 1-е августа 1932 г. в Караганду прибыло 6 тыс. 558 человек, главным образом, из Каркаралинского, Кувского, Тельмановского и других районов. Из этого количества – 5 тыс. 300 человек были отправлены к месту прежнего жительства, и только 605 человек осталось на работе в Караганде. Однако уже очень скоро бывших кочевников начали увольнять с работы, так как почти все они были больны и надорваны [15, л. 170]. На 20 августа 1932 года в Караганде насчитывалось 270 откочевников, уволенных с работы с казенной формулировкой «невыполнение норм выработки ввиду истощенности». Таким пациентам врачи, как правило, отказывались выписывать «больничный лист», оправдывая это тем, что «такая» болезнь не является причиной для освобождения от работы. Это усугубляло и без того критическое положение откочевников и вызывало усиление смертности. За период с 1-го июля по 25 августа 1932 года милицией города Караганды было подобрано 806 трупов откочевников, не считая тех, кто был похоронен родственниками или близкими [15, л. 171].

Усиление смертности среди откочевников вызывалось и другими факторами. Так, Северо-Казахстанский строительный трест в августе 1932 года «завербовал» на работу около 1 тыс. 800 бывших крестьян. В процессе «перевоски» откочевников в Караганду им были выданы продукты лишь на трое суток (вместо обещанных семи), вследствие этого многие из них погибли в дороге от сильного истощения. Откочевники, которые сумели выжить и доехать до Караганды, на работу приняты не были и поэтому не были обеспечены даже продовольственными карточками и жильем. Это способствовало расширению масштабов голода и смертности среди откочевников, порой достигавшей до «30 человек в сутки» [15, л. 172].

Процесс «обустройства» откочевников продолжался и в 1933 – 1934 гг. В январе 1933 года из Киргизии в Петропавловск было отправлено около 200 уроженцев Шетского района, из которых в пути погибло 57 человек. Как констатируют архивные сводки, «отсев» произошел на трассе от Новосибирска до Петропавловска, где откочевники совершенно не снабжались продуктами питания. Поэтому в Петропавловск приехало только 143 человека. Прибывших откочевников не сочли необходимым встретить представители государственных структур, занимающиеся их «обустройством» и вследствие этого они не были обеспечены жильем и продовольствием, что провоцировало в среде откочевников дальнейший рост смертности. Откочевники, которые были помещены в специальные дома города Петропавловска, оказались не в лучшем состоянии. Из докладной записки о положении откочевников: «В одной из комнат Центрального рабочего клуба помещаются около 100 человек откочевщиков, среди них есть ряд опухших, кои не в состоянии даже двигаться. В помещении сыро, грязь...» [16, л. 56].

В Караганде, к апрелю 1933 года находилось 316 хозяйств откочевников, в том числе – 76 семей из Шетского района, которые были размещены в двух домах поселка Михайловка. Обеспечение этих людей продуктами питания было возложено на коменданта Сапакова. Сапаков сразу роздал откочевникам все имевшиеся в его распоряжении продовольственные фонды, вследствие чего к началу марта голодающие беженцы остались без всяких запасов продовольствия. Одновременно Шетский районный комитет ВКП (б) и районный исполнительный комитет приняли решение прекратить снабжение откочевников Шетского района. Ссылаясь на это постановление, Сапаков и уполномоченный Алма-Атинского облисполкома Таймагамбетов перестали поддерживать откочевников продовольствием и выехали в город Алма-Ату. Откочевники, брошенные на произвол судьбы, оказались в очень тяжелых условиях и испытывали неимоверные страдания и жесточайший голод, сопровождавшийся смертельными исходами [17, л. 15].

Всего, по официальным данным на 1-ое июня 1934 г. по Карагандинской области было зафиксировано 21тыс. 910 откочевников, в том числе вернувшихся в том же году – 721. Из них в 1933 г. было «устроено» 21 тыс. 142 откочевника, а именно; в существующих

колхозах – 7 тыс. 719, во вновь организованных Тозах – 8 тыс. 250, в промышленности – 5 тыс. 613. В 1934 году эти темпы значительно снизились и выражаются в цифрах: 721, 626, 72, 17. В колхозах было устроено 6 семей откочевников [18, л. 20].

Условия труда и быта рабочих – казахов из числа бывших откочевников были очень тяжелыми, их жилье не отвечало даже минимальным требованиям санитарии, хотя согласно договору с Народным комиссариатом труда, казахи – откочевники должны были обеспечиваться жильем, отвечающим необходимым санитарным правилам. Так, рабочие карагандинских предприятий жили в землянках, юртах, бараках, стандартных недостроенных домах, не соответствовавших элементарным гигиеническим нормам [19, л. 5]. Таким образом, необходимо констатировать весьма равнодушное отношение руководителей промышленных предприятий к судьбе откочевников. Например, в Кармакчинском районе, в течение нескольких месяцев влачили жалкое существование 190 уроженцев Карсакпайского района, которых не хотели принимать на работу руководители предприятий, мотивируя свое нежелание отговоркой, что они «не из их района». Карсакпайцы не могли также добраться до своих родных мест из-за дальности расстояния (500 – 600 км.) и только вмешательство представителей Народного Комисариата рабоче-крестьянской инспекции заставило «устроить» их на временную работу в колхозах и рыболовных артелях Кармакчинского района [20, л. 58].

Устройство откочевников в совхозах, так же как и в промышленности, было фиктивным. Совхозы обычно отказывались принимать откочевников, ссылаясь на отсутствие продовольственных или жилищных фондов, или под давлением областных организаций формально принимали на сезонную работу, не обеспечивая даже хлебом. Так, в совхозе «Челкарский» Каркаралинского района Карагандинской области откочевников «поместили» в холодные базы, без топки, без оборудования. Кроме того, их принуждали в морозы, без теплой одежды возить сено, вследствие чего 12 рабочих были обморожены, некоторые – со смертельным исходом [21, л. 21].

Хозяйственное устройство откочевников в колхозах также не могло остановить нарастающую как снежный ком нищету и смертность. Согласно плану мероприятий по Карагандинской области, для покупки скота откочевникам в качестве сельхозкредита было фактически выделено 593,6 тыс. рублей, средства местного бюджета составили 60 тыс. рублей. На эти деньги было куплено всего 748 голов скота: лошадей – 401, крупный рогатый скот – 198, верблюдов – 6, овец и коз – 149 [13, л. 20]. Если учесть, что в Карагандинской области в 1933 году только по официальным данным было зафиксировано 18 тыс. 653 хозяйства откочевников, практически лишенных скота и имущества, то становится ясно, что данное количество голов скота не могло обеспечить им средства к существованию, и не гарантировало даже самый низкий прожиточный минимум.

В колхозах прибывших возвращенцев не обеспечивали даже жильем, поэтому большая часть откочевников, даже считавшихся «устроенными» жила «в полуразрушенных землянках, без окон и дверей, в шалашах, по несколько семей в одном помещении», что усугубляло их положение и приводило к усилению смертности [22, л. 35]. Архивные документы констатируют: «В виду такого тяжелого положения в колхозах некоторая часть откочевников и постоянных колхозников продолжают двигаться из района в район, из совхоза в совхоз, из колхоза в промышленные города и обратно в поисках хлеба и пристанища» [23, л. 158].

Заключение

Таким образом, политика сталинского режима, направленная на коллективизацию и оседание, привела к трагическим последствиям: пауперизации крестьянства, росту откочетов казахского крестьянства в города, в соседние регионы. Политика хозяйственного устройства откочевников – возвращенцев, проводившаяся государством, потерпела неудачу вследствие формализма в решении этой проблемы и недостаточности финансовых средств.

Примечания:

1. Голод в казахской степи. Алматы: «Қазақ университеті», 1991. С. 171.

- 2 Старостин В. Проблема модернизации: история и современность // Модернизация и национальная культура. М.: "Апрель – 85", 1995. С. 8-21.
- 3 Макнамара Р. Бедняки мира, и что с ними делать // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М.: Прогресс-Академия, 1992. 430 с.
- 4 Дахшлейгер Г.Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921-1929 гг.). Алма-Ата: Наука. 1965. 536 с.; Дахшлейгер Г.Ф. Маршрутом социального прогресса. Алма-Ата: Казахстан, 1978. 160 с.; Турсунбаев А.Б. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. 326 с.; Нурпеисов К.Н., Дахшлейгер Г.Ф. История крестьянства Советского Казахстана. Алматы: Наука, 1985. Т. 1. 247 с.
- 5 Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920-1930гг.). Алма-Ата: Ғылым, 1991. 240 с.
- 6 Абылхожин Ж.Б. Очерки социально-экономической истории Казахстана. XX век. Алматы: Туран, 1997. 360 с.
- 7 Омарбеков Т. 20-30 жылдардағы Қазақстан қасіреті. Алматы: Санат, 1997. 320 с.
- 8 Сужигов Б.М. Казахская трагедия в исследовании французского историка. Часть 1. Дебаизация // [Электронный ресурс] «edu.e-history.kz // (дата обращения: 26.12.15).
- 9 Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987. 286 с.
- 10 Коллективизация сельского хозяйства Казахстана. (1926-1941гг.). Документы и материалы. ч. 1. Алма-Ата: Казахстан, 1967. 576 с.
- 11 ЦГА РК. (Центральный Государственный архив Республики Казахстан). Ф. 44. Оп. 13. Д. 330.
- 12 АП РК. (Архив Президента Республики Казахстан). Ф.141. Оп.1. Д.6403.
- 13 АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.6397.
- 14 ЦГА РК. Ф.44. Оп.14. Д.874
- 15 АП РК. Ф.719. Оп.4. Д.72.
- 16 АП РК. Ф.719. Оп.4. Д.719.
- 17 АП РК. Ф.719. Оп.4. Д.675.
- 18 ЦГА РК. Ф.1179. Оп.1. Д.60.
- 19 ЦГА РК. Ф.82. Оп.1. Д.1143.
- 20 ЦГА РК. Ф.44. Оп.14. Д.874.
- 21 АП РК. Ф.141. Оп.1. Д.6402.
- 22 ЦГА РК. Ф.1179. Оп.1. Д.47.
- 23 ЦГА РК. Ф.30. Оп.2. Д. 1578.

References:

1. Golod v kazakhskoi stepi. Almaty: «Kazak universiteti», 1991. S. 171.
2. Starostin V. Problema modernizatsii: istoriya i sovremennost' // Modernizatsiya i natsional'naya kul'tura. M.: "Aprel' – 85", 1995. S. 8-21.
3. Maknamara R. Bednyaki mira, i chto s nimi delat' // Velikii neznakomets. Krest'yane i fermery v sovremennom mire. M.: Progress-Akademiya, 1992. 430 s.
4. Dakhshleiger G.F. Sotsial'no-ekonomicheskie preobrazovaniya v aule i derevne Kazakhstana (1921-1929 gg.). Alma-Ata: Nauka. 1965. 536 s.; Dakhshleiger G.F. Marshrutom sotsial'nogo progressa. Alma-Ata: Kazakhstan, 1978. 160 s.; Tursunbaev A.B. Pobeda kolkhoznogo stroya v Kazakhstane. Alma-Ata: Kazgosizdat, 1957. 326 s.; Nurpeisov K.N., Dakhshleiger G.F. Istoriya krest'yanstva Sovetskogo Kazakhstana. Almaty: Nauka, 1985. T. 1. 247 s.
5. Abylkhozhin Zh.B. Traditsionnaya struktura Kazakhstana. Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty funktsionirovaniya i transformatsii (1920-1930gg.). Alma-Ata: Fylym, 1991. 240 s.
6. Abylkhozhin Zh.B. Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Kazakhstana. XX vek. Almaty: Turan, 1997. 360 s.
7. Omarbekov T. 20-30 zhyldardary Kazakstan qasireti. Almaty: Sanat, 1997. 320 s.
8. Suzhikov B.M. Kazakhstanskaya tragediya v issledovanii frantsuzskogo istorika. Chast' 1. Debaizatsiya // [elektronnyi resurs] «edu.e-history.kz // (data obrashcheniya: 26.12.15).
9. Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1987. 286 s.

10. Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva Kazakhstana. (1926-1941gg.). Dokumenty i materialy. ch. 1. Alma-Ata: Kazakhstan, 1967. 576 s.
11. TsGA RK. (Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan). F. 44. Op. 13. D. 330.
12. AP RK. (Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan). F.141. Op.1. D.6403.
13. AP RK. F.141. Op.1. D.6397.
14. TsGA RK. F.44. Op.14. D.874
15. AP RK. F.719. Op.4. D.72.
16. AP RK. F.719. Op.4. D.719.
17. AP RK. F.719. Op.4. D.675.
18. TsGA RK. F.1179. Op.1. D.60.
19. TsGA RK. F.82. Op.1. D.1143.
20. TsGA RK. F.44. Op.14. D.874.
21. AP RK. F.141. Op.1. D.6402.
22. TsGA RK. F.1179. Op.1. D.47.
23. TsGA RK. F.30. Op.2. D. 1578.

УДК 94(574).02./08

**К вопросу об откочевках казахского крестьянства в конце 1920-х – начале 1930-х гг.
(на материалах центрального Казахстана)**

Альжаппарова Бахытгуль Кабдульмаликовна

Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева, Республика Казахстан
Кандидат исторических наук, доцент

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотреть последствия политики коллективизации и оседания, выразившиеся в откочевках казахского населения в конце 1920-х-начале 1930-х гг. В статье, с привлечением широкого круга источников, в том числе архивных документов, рассматриваются мероприятия сталинского режима, направленные на борьбу с откочевками, неэффективный характер этих мероприятий. Автор приходит к выводу, что попытка хозяйственного устройства откочевников потерпела неудачу вследствие формально-бюрократического подхода к решению этого вопроса и недостаточности финансовых средств.

Ключевые слова: оседание, коллективизация, пауперизация, откочевки, номадизм, регион, региональная история.